

РАСШИРЕННЫЙ ПЛЕНУМ
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

(12—23 июня 1923 года)

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ♦ МОСКВА ♦ 1923

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

РАСШИРЕННЫЙ ПЛЕНУМ
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

(12 — 23 Июня 1923 года)

ОТЧЕТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ♦ МОСКВА ♦ 1923

Главлит № 12.992.

Тираж 5.200 экз.

„Мосполиграф“ 20 типография „Красный Пролетарий“. Именовская 1/16.

Расширенный Пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интерна- ционала.

(Москва, 12—23 июня 1923 года.)

Первое заседание.

(12 июня 1923 г.)

Заседание Расширенного Пленума Исполкома Коминтерна открывается тов. Зиновьевым в Андреевском зале Кремля в 7 час. вечера.

Т. Нейрат оглашает список присутствующих. Из 25-ти членов Исполкома присутствуют следующие товарищи: Зиновьев, Леви, Цеткин, Гернле, Бухарин, Радек, Шмераль, Нейрат, Дженари, Грамши, Шюллер, Шацкий, Мак-Манус, Хеглунд, Шеффо, Куусинен, Коларов, Штирнер, Катаяма, Сафаров, Эндрьюс.

От секций Интернационала прибыли следующие делегаты:

Франция: Тибо, Рен, Росмер; Италия: Урбани, Мартини, Негри, Саитта, Росси; Германия: Бетхер, Вальхер, Эверт; Чехо-Словакия: Запотоцкий, Байер; Англия: Стюарт, Галахер, Джексон, Поллит, Броун, Ньюбольд; Россия: Луначарский, Пятаков, Пятницкий, Лозовский; Испания: Аппаричио; Америка: Амтер, Трахтенберг; Австрия: Коричонер, Фрей; Голландия: Янсен; Дания: Лаурсен; Швеция: Стрем; Норвегия: Транмель, Хофмо; Канада: Джонсон; Литва: Ангаретис; Латвия: Стучка, Берзин; Швейцария: Визер; Югославия: Владетич; Польша: Мациевский, Краевский; Япония: Локи; Южная Африка: Джонс; Финляндия: Лаукки, Маннер; Эстония: Вакман; Украина: Мануильский; Персия: Султан-Задэ; Турция: Гафуров; Коминтерн Молодежи: Гиптнер, Михалец, Паасонен, Флиг, Фуруботэн.

К английской конференции приглашены из Англии 10 товарищей.

Председателем Пленума избран т. Зиновьев. В состав Президиума Пленума избраны следующие товарищи: Троцкий — Россия; Цеткин, Бетхер — Германия; Тибо — Франция; Шмераль — Чехо-Словакия; Дженари — Италия; Галахер — Англия; Транмель и Хеглунд —

Скандинавия; Амтер — Америка; Коларов — Балканы; Рой — Индия и Каяма — Япония.

Тов. Нейрат назначается политическим, а тов. Хеймо техническим секретарем Расширенного Пленума.

Тов. Зиновьев сообщает, что Исполком в свое время постановил избрать тов. Ленина Почетным Председателем Коммунистического Интернационала. Расширенный Пленум Исполкома бурными рукоплесканиями приветствует это постановление.

Пленум принимает следующий, предложенный Президиумом, порядок дня:

1. а) Доклад Президиума.

б) Дальнейшее практическое развертывание кампании за единый фронт.

в) Слияние 2-го и 2½ Интернационалов.

Докладчик — тов. *Зиновьев*.

2. Международное политическое положение.

Докладчик — тов. *Радек*.

3. Борьба против фашизма.

Докладчик — тов. *Клара Цеткин*.

4. Профессиональное движение и фабзавкомы.

Докладчики — т. т. *Лозовский и Вальхер*.

5. Границы централизма в Коммунистическом Интернационале (Выяснение вопроса с скандинавскими товарищами.)

Докладчик тов. *Бухарин*.

6. Положение рабочего движения в Англии.

7. Подготовительные работы к программе Коминтерна.

Докладчик тов. *Бухарин*.

8. Вопросы отдельных секций.

9. Пятилетний юбилей Коммунистического Интернационала и партийные съезды отдельных секций.

10. Предложения.

Создается в составе 21 члена политическая комиссия для рассмотрения резолюций по первому пункту порядка дня „Дальнейшее практическое развертывание кампании за единый фронт“, по второму пункту „Международное политическое положение“ и по пункту третьему „Борьба против фашизма“. В Комиссию входят следующие товарищи: Зиновьев, Троцкий, Бухарин, Пятаков (РКП), Леви, Суварин (Франция), Бетхер, Гернле (Германия), Нейрат, Шмераль (Чехо-Словакия), Коларов, Владетич (Балканы), Транмель, Хеглунд, Шефло (Скандинавия), Мацневский (Польша), Йоки (Япония), Подлит (Англия), Дженаи, Саитта (Италия), Лауки (Финляндия), Шацкин (Интернационал молодежи).

В Комиссию по пункту 5 порядка дня „Границы централизма в Коммунистическом Интернационале“ выделены следующие товарищи: Бухарин, Зиновьев, Радек, Пятаков (Россия), Цеткин, (заместитель Гернле) (Германия), Коларов (Болгария), Шмераль (Чехо-Словакия), Мак Манус (Англия), Куусинен (Финляндия), Урбани (Италия), Суварин (Франция), Катаяма (Япония), Мациевский (Польша), Шацкий (Интернационал молодежи.)

В Комиссию по пункту 7 „Подготовительные работы к программе Коминтерна“ входят товарищи: Бухарин, Радек, Пятаков, Троцкий (РКП), Шмераль (Чехо-Словакия), Куусинен (Финляндия), Фальк (Норвегия), Коларов (Балканы), Мак-Манус (Англия), Цеткин (Германия), Мациевский (Польша), Дженаи (Италия), Катаяма (Япония) и тов. Варга.

По пункту 8 порядка дня „Вопросы отдельных секций“ образуются следующие Комиссии:

Итальянская: Суварин (Франция), Троцкий, Луначарский, Зиновьев, Бухарин (Россия), Цеткин, Бетхер, (Германия), Байер (Чехо-Словакия), Коларов (Болгария), Коричонер (Австрия), Амтер (Америка), Фальк (Норвегия), Шюллер (Коминтерн Молодежи), Краевский (Польша), Аоки, (Япония), Ракоши, Мануильский.

Балканская: Нейрат, Шмераль (Чехо-Словакия), Фрей (Австрия), Дженаи (Италия), Гернле (Германия), Леви (Франция), Галахер (Англия), Радек, Пятницкий (Россия) Шеффо (Норвегия) Коларов (Болгария), Михалец (Коминтерн Молодежи), Владетич (Югославия).

Австрийская: Нейрат (Чехо Словакия), Вальхер (Германия), Визер (Швейцария), Владетич (Балканы), Радек, Пятницкий (Россия), Хеглунд (Швеция), Гиптнер (Коминтерн Молодежи), Янсен (Голландия), Грамши (Италия), Лозовский (Россия.)

Швейцарская: Стюарт (Англия), Вальхер (Германия), Нейрат (Чехо-Словакия), Штирнер (Южная Америка), Лозовский (Россия), Негри (Италия).

Голландская: Хофмо (Норвегия), Маннер (Финляндия), Радек (Россия), Мак-Манус (зам. Джексон)—(Англия), Цеткин (Германия), Рен (Франция), Трахтенберг (Америка), Стучка (Латвия).

Датская: Кобецкий, Пятаков (Россия), Маннёр (Финляндия), Штрём, Транмель, Шеффо (Скандинавия), Янсен (Голландия), Стучка (Латвия), Эверт (Германия), Краевский (Польша), Ивон-Джонс (Южная Америка).

Кооперативная: Хинчук, Мещеряков (Россия), Серра (Италия), Запотоцкий (Чехо-Словакия), Гернле (Германия), Леви (Франция.)

По женскому вопросу: Куусинен (Финляндия), Коларов (Балканы), Цеткин (Германия), Смидович, Пятницкий (Россия), Нейрат (Чехо-Словакия).

По первому пункту порядка дня слово предоставляется тов. Зиновьеву.

Доклад тов. Зиновьева.

Отчет Президиума. — Единый Фронт. — Объединение 2 и 2½ Интернационалов, Национальный вопрос. Крестьянский вопрос.)

Зиновьев. Товарищи, 6 месяцев работы лежат позади нас со времени IV Конгресса. Это не такой срок, в течение которого могло бы совершиться много принципиально нового. Но все же некоторые вопросы за эти пол-года выяснились в гораздо большей степени, чем это было во время IV Конгресса. И я думаю, на этой сессии расширенного Исполкома нам придется принять и некоторые новые политические решения.

Международное положение.

Международное политическое положение, специально вопрос о фашизме, будет освещено в предстоящих специальных реферетах, так что я могу здесь ограничиться немногим. За время, истекшее с IV конгресса, выяснилось, что в некоторых крупных капиталистических государствах экономическая конъюнктура все-таки изменилась в пользу буржуазии. Северо-Американские Соединенные Штаты переживают высокую конъюнктуру. Некоторые улучшения в экономической конъюнктуре отмечаются также в таких странах, как Англия, Франция и Бельгия. В центральной Европе попрежнему большая дезорганизация. В Японии и в Индии — экономический кризис. Как будут развиваться события дальше, — трудно предвидеть. Товарищ Варга прав, когда он говорит: еще не ясно, потянет ли за собой Америка, которая уже приближается к экономическому кризису, другие начинающие возрождаться европейские страны, или, наоборот, эти европейские страны пройдут еще через более длительный период промышленного подъема.

Что касается международного политического положения, то оно более всего характеризуется в настоящий момент конфликтом между Англией и Россией. По моему глубокому убеждению, поворот в английской политике, как и вообще поворот в международной политике буржуазии по отношению к Советской России, является доказательством того, что международная буржуазия нажимает на Советскую Россию не по причине ее слабости, а по причине растущей ее силы. Непосредственная развязка англо-русского конфликта еще неизвестна, но уже ясно, что, так или иначе, мы имеем перед собой начало новой главы международной политики буржуазии по отношению к Советской России. Международная буржуазия почувствовала, что новая экономическая политика Советской России не есть капитуляция коммунистов, как буржуазия себе это вначале представляла. В течение первого и второго года НЭП'а эти господа совершенно серьезно верили в то, что НЭП есть принципиальная капитуляция революционного пролетарского государства России. Они с улыбкой ждали того момента, когда русский коммунизм сам себя загубит. Теперь они начинают убеждаться

в том, что их представление было ошибочно. Теперь и слепой видит, что новая экономическая политика Советской России ни в коем случае не была капитуляцией, а наоборот. С того момента, когда на мировом рынке вновь появился русский хлеб, мировая буржуазия начала это понимать. Теперь доказано, что русские коммунисты никогда еще не имели столь безраздельной поддержки со стороны русского рабочего класса, как в настоящее время. И, именно, в силу этого иные вожди международной буржуазии говорят себе: теперь надо действовать быстро, ибо, если мы пропустим еще пару лет, будет слишком поздно. Это и есть основа нового поворота международной политики по отношению к Советской России. Возможно, что этот поворот займет целую новую главу в международной политике.

Реакция и фашизм.

Что касается фашизма и реакции, то мы, к сожалению, видим, что они прогрессируют. Вчерашние события в Болгарии показали это с достаточной ясностью. Вы можете сегодня прочесть в газетах, что царь Борис после того, как государственный переворот совершился и все правительство и все депутаты из партии Стамболийского были арестованы, издает декрет, в котором с соблюдением всей законности подписана отставка премьер-министра Стамболийского. Как видите, дело происходит на точном основании закона. Все это доказывает только то, что ежели, по ошибке, царя или короля оставлять на свободе, то всегда остается та опасность, что в подходящую минуту этот король издаст подобный декрет. Господа демократы из крестьянского правительства Стамболийского вполне этого заслуживают.

Что касается фашизма, то я думаю, что бороться против него в тех странах, где он получил особенное развитие, следует более всего на экономической почве. Не следует всякое проявление реакции называть фашизмом. Необходимо различать и понимать, что, например, итальянский фашизм теперь уже есть нечто совсем другое, чем он являлся полгода или год тому назад.

Итак, товарищи, положение в общем остается тем-же, каким оно было во время IV Конгресса. Опасность новых войн стала еще более очевидной. В течение истекших 6-ти месяцев Европа несколько раз переживала ситуации, которые за одну ночь могли привести к войне. И все положение вещей остается таким, что мы и теперь можем ожидать таких же опасностей.

Объединение 2 и 2½ Интернационалов.

За это время объединились 2 и 2½-ный Интернационалы. Я не знаю, товарищи, следует ли мне в таком собрании, как наше, подвергать подробной критике работы 2 Интернационала в Гамбурге. Я думаю, этого не стоит делать. Некоторые товарищи в прессе указывали на то, что, даже с точки зрения последовательного реформизма

работы 2-го Интернационала в Гамбурге не выдерживают ни малейшей критики, и это правда. Это был конгресс без царя в голове. Никакой определенной, пусть даже реформистской, принципиальной линии у конгресса не было. Это была просто картина распада, такого же распада, какой мы наблюдаем за последнее время в объединенной германской социал-демократии. Кто остался во 2-м Интернационале? В сущности говоря, только две серьезных партии: германская социал-демократия и английская Лейбор-Парти. Крайне характерно, что даже такие люди, как Каутский и Бернштейн, не играли никакой роли в Гамбурге. На сцену выступили субъекты еще похуже Каутского и Бернштейна. Появились новые люди, которые не отягощены даже „социалистическими“ традициями Каутского последней формации. Вспомните, товарищи, что было время, когда даже 2-ой Интернационал задумывался, принимать ли в свои ряды Лейбор-Парти. Я отлично вспоминаю—это было, кажется, в 1908 году,—как Каутский доказывал, что Лейбор-Парти во 2-й Интернационал принять нельзя. И только после того, как Интернациональное Социалистическое Бюро 2-го Интернационала приняло эту партию, Каутский, как это было для него привычно, „теоретически“ обосновал уже принятое решение. Что же, разве за это время Лейбор Парти стала лучше, приняла более революционный характер? Нисколько. Я думаю, наоборот. 2-й Интернационал стал хуже,—вот в чем дело. Только поэтому стало возможно, что Рабочая Партия не только принята во 2-й Интернационал, но играет в нем первую скрипку.

Это был, как мы уже сказали, конгресс без царя в голове, без души. Перед нами разыгралось забавное зрелище полемики между русскими меньшевиками и вождями Английской Лейбор Парти. При чем русские меньшевики, которые еще совсем недавно причисляли себя к левому крылу 2^{1/2}-ного Интернационала, на этом конгрессе внезапно оказались правейшим крылом 2-го Интернационала. Достаточно вспомнить пресловутый организационный устав объединенного 2-го Интернационала, принятый в Гамбурге. Это не шутка, это—не анекдот, а факт: собравшиеся в Гамбурге, с позволения сказать, социалисты постановили, что те из членов их Исполкома, которые вступят в буржуазное министерство, механически выбывают на время из этого Исполкома. Когда же этот „социалистический“ министр будет выжат буржуазией, как лимон, и выброшен из министерства, он, по-видимому, вновь может стать законнейшим и почетнейшим членом Исполкома 2-го Интернационала. Это решение, которое нельзя назвать иначе, как комическим. Это все равно, как если бы принято было решение в том смысле, что ежели кто-либо из них становится вором, то он не может быть почетным членом их общества, но по отбытии уголовного наказания, с этим вором, все-таки, можно еще подискутировать о том, нельзя ли его все-же принять в среду почтенных людей. Эти господа из 2-го Интернационала пали так низко, что поистине не хватает слов для их характеристики. Они стали недостижимы для нашей критики по той простой причине, что, вообще, вышли за пределы

минимальнейшего минимума, который можно предъявить к человеку, сколько-нибудь похожему на революционера.

В нашей коммунистической прессе пытались пространно доказывать, что Гамбургский Интернационал есть, в сущности, вовсе не интернационал. Даже г-н Пауль Леви пренебрежительно заметил: что же это за интернационал такой, в котором одни защищают „свою“ буржуазию, а другие—„свою“ буржуазию. Это больше похоже на Вавилонскую башню. Да, товарищи, это действительно не интернационал. Но нам необходимо иметь ввиду только следующее: эти господа ни в каком интернационале и не нуждаются. И по этой простой причине такая критика опять таки не достигает цели. Это значило бы зря время терять. Если бы мы стали доказывать, что 2-й Интернационал вовсе не есть действительно интернационал. Не это нам нужно. Нам нужно самим понять и объяснить рабочим, что господа социал-демократы ни в каком подлинном интернационале и не нуждаются, что им нужна только интернациональная вывеска для обмана рабочих. И это они в Гамбурге блестяще подтвердили.

Значение Гамбургского Интернационала.

Укрепит ли это Гамбургское объединение в какой бы то ни было мере силы нашего противника? В некоторых странах на самый короткий период, пожалуй. Некоторые из наших французских друзей говорили мне, что во Франции Гамбургский конгресс, быть может, и произведет некоторое впечатление на часть отсталых рабочих. Это возможно. Вспомните, товарищи, объединение социал-демократов в Германии. И тогда некоторые из наших товарищей преувеличивали значение этого объединения и думали, что оно составит чуть ли не новую эпоху в германском рабочем движении и придаст много сил социал-демократии. Однако, не прошло еще и года, и теперь каждый видит, что это объединение нисколько не усилило германскую социал-демократию, а, напротив, ослабило ее. Кризис внутри германской социал-демократии никогда еще не был так силен, как сейчас. Германская социал-демократия почти совершенно не созывает теперь массовых собраний. Ее выступления в рейхстаге тоже небывало бесцветны. У нее не хватает даже той печальной последовательности которая у этих героев была тогда, когда они были более однородны. Я убежден, что то же самое произойдет теперь в интернациональном масштабе.

Уже в самом Гамбурге во время конгресса те немногие участники, у которых осталась хоть искорка совести, не скрывали того, что 2-й Интернационал никакого будущего не имеет. С точки зрения интересов наших коммунистических партий это—только выигрыш для нас, что 2½-й Интернационал больше не существует, как самостоятельная организация. 2-й и 2½-ный Интернационалы съехались в Гамбурге, как будто со специальной целью ускорить процесс распада, происходящего в их среде.

Коминтерн — единственный боевой орган пролетариата.

За эти шесть месяцев доказано с полной наглядностью: нет другого интернационала, кроме Коммунистического Интернационала. У нас нет еще большинства среди рабочего класса всего мира. Это, к сожалению, факт. Но все же, если, вообще, существует на свете какое-либо международное объединение рабочих, которое искренно работает над сплочением наших сил в интернациональном масштабе, так это только наш 3-й Интернационал. Достаточно вспомнить комедию в Гааге, где Амстердамцы конкурировали в бесстыдстве с вождями 2-го и 2½ ного Интернационалов. И достаточно рядом с этим вспомнить две наши конференции, связанные с Руром: в Эссене и во Франкфурте. Это факт, что впервые после войны две больших партии, действующие в самом сердце Европы—Германская и Французская коммунистические партии—не только были принципиально солидарны друг с другом, но провели рука об руку большую практическую политическую кампанию. Эта кампания не была достаточно сильна, мы не смогли еще побороть буржуазию, мы не смогли устроить большой стачки или восстания и даже крупной демонстрации, но все-же не следует недооценивать того факта, что в роковую для Европы минуту две больших коммунистических партии работали рука об руку при полной поддержке Советской России. Я уверен, что и многие честные социал-демократические рабочие, наблюдая все это, впервые получили впечатление, что только наша международная организация пытается организовать интернациональную борьбу против буржуазии. Да, удельный вес наших организаций еще недостаточно велик, но мы имеем все-же многообещающее начало. Теперь практически доказано, что мы не только принимаем совместно резолюции, но и совместно действуем. В момент, когда два больших европейских государства берут друг друга за горло, две больших коммунистических партии этих государств братски работают в полной солидарности друг с другом. Без преувеличения, это—историческое событие. Это—доказательство того, что наш Интернационал является единственным боевым органом международного пролетариата.

Эти события осветили и кое-какие другие моменты и доказали, что Коммунистический Интернационал действительно начинает становиться единой мировой коммунистической партией. Что это означает—мировая партия? Это вовсе не означает, как иногда, наверно, приписывают нам отдельные товарищи, что национальные компартии ликвидируются. Нет, это означает только то, что в такие моменты, когда история требует действительно международного действия, Коммунистический Интернационал это действие организует, как единая партия. Это значит, что Коммунистический Интернационал в такие минуты группирует свои партии и руководит своими силами так, как это вызывается потребностями международной борьбы. Мне не хочется употреблять слишком громких слов, и я поэтому не скажу, что та совместная борьба, которую провели в месяцы Рурского кризиса Герман-

ская и Французская коммунистические партии, доказала, что мы имеем мировую компартию. Но что доказано, так это то, что зародыш такой мировой компартии мы имеем безусловно. В важный исторический момент мы бросили на чашу весов вес нашей международной организации. Это факт.

Буржуазия нисколько не боится выступать, как единый класс. Это лучше всего доказала немецкая буржуазия, в связи с Рурским кризисом. Я напоминаю вам недавние события и пресловутый манифест представителей германской буржуазии, апеллирующий к „славным“ традициям Тьера—манифест, обращенный к французской буржуазии с просьбой притти на помощь своим немецким братьям присылкой войск, как это свое время сделал версальский палач Тьер. Да, товарищи, если буржуазия апеллирует к традициям Тьера, то нам, в свою очередь, совсем не грех вспомнить лучшие традиции I-го Интернационала. На предстоящем этапе нам нужно все больше и больше концентрировать наши силы и выступать именно, как единая мировая компартия.

Тактика единого фронта.

Маневр или искреннее стремление к объединению с с.-д. рабочими.

Перейдем теперь к вопросу о тактике единого фронта. Я думаю, что, в общем, мы уже преодолели те препятствия и трудности, которые стояли на пути проведения этой тактики. Когда смотришь, например, как теперь развивается французское рабочее движение, когда видишь, что не только наши друзья коммунисты, но и революционные синдикалисты ревностно и усердно проводят тактику единого фронта, то получаешь истинное удовлетворение. Те самые товарищи, которые всего несколько месяцев тому назад посылали к чорту всю тактику единого фронта, теперь научились великолепно применять ее.

Я думаю, в этой области остается только один принципиальный вопрос, требующий освещения. Это вопрос, который часто формулируется некоторыми нашими друзьями следующим образом. Обычно задают вопрос: что такое единый фронт? Есть ли это только стратегический маневр, или единый фронт есть выражение действительно искреннего желания объединения с социал-демократическими рабочими? Сама эта постановка вопроса, по моему мнению, неправильна. Но чтобы устранить последние препятствия с пути этой тактики, настоящая сессия расширенного Исполкома должна подробно разобраться в этом вопросе. Что же, в самом деле, такое тактика единого фронта? Является ли она только тактическим маневром, или она выражает искреннее стремление к объединению с социал-демократическими рабочими? На этот вопрос мы отвечаем, в свою очередь, следующим вопросом. Я спрашиваю вас, товарищи: в самые первые годы деятельности Коминтерна, в 1919—20 году, был ли кто-либо среди

нас, кто не стремился бы самым искренним образом к сближению и даже братанию с социал-демократическими рабочими? Я думаю, что таких людей среди нас не было. С первого же дня существования Коммунистического Интернационала все мы целиком стояли за сближение с социал-демократическими и беспартийными рабочими.

Теперь я спрашиваю далее: ну, а тактику единого фронта проводили ли мы в 1919 м и 20-м годах? Нет, не проводили. Таким образом, если вы возьмете первый период существования Коминтерна, примерно до 2-го конгресса включительно, то вы видите, положение было такое: сближение и братание с социал-демократическими рабочими—да; тактика единого фронта—нет.

Что же все это доказывает? Это доказывает, что вопрос этот стоит совсем иначе. Вопрос не в том, стремимся ли мы искренно к сближению с социал-демократическими рабочими. К этому мы стремились всегда, этого мы желаем и теперь и всегда будем желать, по той простой причине, что мы желаем и будем желать объединения, консолидации всего рабочего класса, ибо это есть единственно серьезная предпосылка нашей действительной победы.

Сущность тактики единого фронта.

Ну, а в чем же состоит тактика единого фронта? В чем заключается то новое, что мы начали готовить примерно с 1921-го года, что мы сформулировали в 1922-м году и что мы на всех парах проводим теперь—в 1923-м году? Что прибавилось нового? А прибавилось именно то, что мы и называем стратегическим маневром. Здесь следует, прежде всего, остановиться на проблеме: массы и вожди. Что касается социал-демократических и синдикалистских рабочих масс, как и масс беспартийных рабочих, то мы всегда, с первого же дня существования Коммунистического Интернационала, повторяем, были за сближение и братание с этими массами для борьбы против буржуазии. Но что касается вождей социал-демократических партий, то мы, действительно, в этой области совершили поворот,—поворот, который целиком вытекал из всего соотношения сил. В чем же дело?

Коротко говоря, дело заключается в следующем. До второго конгресса включительно все мы были полны надежды на то, что пролетарская революция пойдет гораздо быстрее, что распад буржуазного общества, вызванный войной, будет гораздо сильнее, что революционное настроение масс, их нетерпение, их гнев дадут нам возможность через головы социал-демократических вождей уже сейчас же апеллировать к массам, привлечь их на нашу сторону и повести борьбу против буржуазии. Такова была наша надежда. Этим определялась и линия Коммунистического Интернационала до 2-го конгресса. Это было не просто наше доброе пожелание. Надежда наша покоилась на многих фактах тогдашнего времени.

Однако, дело пошло по-иному. Со времени 3-го Конгресса в наших рядах начало складываться другое убеждение. Мы увидели, что

дело не пойдет так быстро. Гнев масс был велик, но настроение все же стало спадать. Оказалось, что буржуазия еще крепко сидит в седле, оказалось, что социал-демократия опирается еще на большие силы, чем мы могли думать. Словом, оказалось, что мировая революция развивается много медленнее, чем мы надеялись. И в виду всего этого, нам пришлось отказаться и от надежды перетянуть на свою сторону социал-демократические рабочие массы через голову их вождей. Мы сказали себе: одно остается по-старому, мы должны во что бы то ни стало добиться теснейшей связи с социал-демократическими рабочими, но средства для достижения этой цели мы должны изменить. Через голову вождей нам не удастся сейчас привлечь социал-демократические массы. Нам нужно поэтому попытаться разоблачить этих вождей в глазах широких масс. Нам придется бороться против этих вождей постепенно, быть может, годами, и тогда мы достигнем того, что большая часть социал-демократических рабочих, наконец, увидит, что представляют собой эти с.-д. вожди. Иначе ничего не поделаешь. И тогда родилась новая тактика единого фронта.

В чем же заключается стратегический маневр? Он заключается в том, что мы многократно обращаемся к людям, относительно которых мы заведомо знаем, что они не хотят и не могут идти с нами. Мы обращаемся к социал-демократическим центральным комитетам. И мы должны это делать. И вместе с тем, мы твердо знаем, что эти социал-демократические генеральные штабы не хотят идти с рабочим классом в борьбе с буржуазией и не пойдут с нами. Если в этом кто-либо еще мог в какой бы то ни было степени сомневаться, то теперь, после Гамбурга, это доказано с полной наглядностью. Итак, говоря коротко, стратегический маневр заключается в том, что мы обращаемся к политическим штабам социал-демократии, хотя мы отлично знаем, что эти штабы на деле преследуют совершенно другие цели и не хотят бороться вместе с нами. Так стоит вопрос. Поэтому я и говорю, самая постановка вопроса—что такое тактика единого фронта: стратегический маневр или искреннее желание объединиться с социал-демократическими рабочими, неправильна и дубовата. Мы хотели и хотим объединиться с каждым социал-демократическим рабочим в борьбе против буржуазии. Но чтобы этого достичь, мы, в виду того соотношения сил, какое сложилось, примерно, с 1921-го года, должны обращаться и к социал-демократическим центральным комитетам, мы должны адресоваться к социал-демократическим вождям, хотя мы прекрасно знаем, что эти люди не хотят борьбы против буржуазии. В этом и заключается стратегический маневр в тесном смысле слова.

Законен ли так — называемый стратегический маневр?

И что же, я спрашиваю вас, является ли подобного рода стратегический маневр законным средством в борьбе, допустим ли он, морален ли он? Ни один серьезный коммунист не скажет, что тут есть что-либо недопустимое. Ведь это ни что иное, как одно из средств

организации рабочего класса. Наш класс количественно достаточно силен, чтобы победить в борьбе, и только потому, что социал-демократическое влияние еще так сильно в пролетариате, рабочий класс до сих пор не победил. На это некоторые товарищи замечают нам: хорошо, пусть так; но зачем же нам об этом громко говорить и тем облегчать социал-демократическим вождям их борьбу против нас? Товарищи, я безусловно признаю любую военную хитрость в борьбе против непримиримого врага, но только такую военную хитрость, которая не деморализует нашу собственную армию. Возьмите пример Французской коммунистической партии. Вы сами помните, какая неслыханная путаница как раз в вопросе об едином фронте господствовала еще недавно в рядах Французской компартии. Можно ли было, в самом деле, изжить этот кризис во Французской партии? Можно ли было поставить политически на ноги эту партию и показать ей правильную дорогу? Если бы мы боялись сказать не только вождям этой партии, но и всем французским рабочим, в том числе и синдикалистам: дело идет о том, чтобы завоевать социал-демократических рабочих, и для того, чтобы разоблачить пред ними их социал-предательских вождей, которые на деле являются сторонниками буржуазии, а не рабочего класса, мы и обращаемся ко всем этим Реноделям и Жуо,—если бы мы оставили тут что-либо недоговоренное, если бы не объяснили французским товарищам все стратегическое значение тактики единого фронта, мы никогда бы не могли завоевать на сторону тактики единого фронта ни французских коммунистов, ни, тем более, французских синдикалистов. Это относится не только к Франции, а ко всем тем рабочим, которые идут с нами. Мы, вообще, не можем сделать ни одного шага без того, чтобы социал-демократические вожди не пытались бы оклеветать и оболгать нас, извратить действительный смысл этого нашего шага. Уже по одному этому мы не должны бояться сказать прямо о наших стратегических маневрах. Тому сознательному меньшинству, которое группируется вокруг нас, мы должны осветить его дорогу полностью, иначе мы никогда не завоеваем большинства.

И еще одно. Не следует забывать об опасностях, связанных с тактикой единого фронта. Мы говорили о них уже в первых наших тезисах в 1921 году. Я считаю, что чем больший успех мы будем иметь на пути осуществления тактики единого фронта, чем глубже мы станем теперь проникать в социал-демократические массы, тем большими становятся эти опасности. Это, конечно, не отпугнет нас. Смело вперед, в самые широкие массы. Бояться нам нечего. Наши партии кое-чему уже научились в этой области, но все же об опасностях не забывайте.

Побольше активной, теоретической мысли.

В статье, озаглавленной „Внимание к теории“, тов. Троцкий не так давно написал следующие строки: „Проводимая ныне Коминтерном тактика единого фронта и борьбы за переходные требования является необходимой политикой для коммунистических партий буржу-

азных государств в нынешний подготовительный период. Но нельзя закрывать глаза на то, что эта политика таит в себе в то же время несомненные опасности измельчания и даже полного перерождения коммунистических партий, если, с одной стороны, подготовительный период слишком растянется, и если, с другой стороны, повседневная работа западных партий не будет оплодотворяться активной теоретической мыслью, охватывающей динамику основных исторических сил в полном объеме."

Это совершенно правильно. Я подписываюсь под каждым словом этого заявления. Опасности, связанные с тактикой единого фронта, действительно, велики, и они будут становиться тем большими, чем успешнее будет наше продвижение.

Не забывайте об опасности.

Частенько нам говорят: зачем так много разговоров относительно стратегических маневров? К чему выбалтывать наши секреты противникам? Почему бы нам не обойти социал-демократических вождей, не выдавая наши секреты? Товарищи, говорящие так, не отдают себе ясного отчета в обстановке. Еще раз, не забывайте эти опасности, с которыми связана тактика единого фронта. Сама по себе эта тактика несомненно верна. Она определяет собой целую эпоху. Но опасности измельчания и даже вырождения наших партий безусловно остаются. Это мы сказали в 1921-м году, это приходится повторить и теперь. Психологически можно понять, почему те наши товарищи, на которых ложится главная тяжесть практической борьбы с социал-демократами, которые встречаются с с.-д. вождями в текущей повседневной работе, имеют склонность несколько затушевывать стратегический и маневренный характер нашей нынешней тактики и полагают, что лучше об этой стороне дела помолчать. Я открою вам, товарищи, один маленький секрет. Иные наши добрые друзья даже из Германской компартии подозревают меня, грешного, в том, что я так много говорю о стратегической стороне дела только потому, что я, в сущности говоря, являюсь скрытым противником тактики единого фронта. Это, конечно, смешно. Я целиком поддерживаю эту тактику. Напомню вам мои тезисы, написанные почти два года тому назад. Да, и у меня в свое время были некоторые колебания. В 1921 году не все еще было ясно. Переходный период от II-го к III-му и от III-го к IV-му конгрессам был нелегким. Мы все вначале были полны надежд, что нам удастся тут же победить буржуазию и завоевать на свою сторону социал-демократических рабочих через голову их вождей. Да, переход был труден. Приходилось бороться с самим собой. Но уже со времени третьего конгресса вопрос был решен. И теперь никаких колебаний в вопросе о целесообразности тактики единого фронта быть не может.

Обязанность авангарда к аррьергарду.

Однако, мы должны ясно сознавать, что если мы сейчас обращаемся к Шейдеманам или Реноделям, то не потому, что у нас была хотя-бы искра доверия к этим людям, а просто для того, чтобы выполнить задачу авангарда рабочего класса по отношению к его аррьергарду: объяснить на живом примере отсталым рабочим, что такое представляют собой Шейдеманы и Ренодели. Эти последние имеют еще за собою значительные рабочие массы, и в этом главный вопрос эпохи. Еще раз, взгляните на Гамбург. В самом деле, когда подумаешь о том, что там произошло, то только спрашиваешь себя: как это могло случиться, что за грязной бандой этих дельцов все еще идут значительные массы? Очень тяжело об этом думать, но все же это факт. Вот почему вопрос о влиянии этих социал-патриотических вождей есть не какая-либо мелочь, а основная проблема. Когда мы говорим о стратегическом маневре, пусть товарищи не понимают этого в мелочном, меркантильном смысле слова. Это маневры не „в грязно жидовском“ смысле слова, как выразился некогда Маркс. Дело идет о широко задуманном политическом маневре, совершаемом авангардом мирового пролетариата. И в этом нет ничего недопустимого, ничего искусственного и ничего мелочного. Наши товарищи практики, которым приходится сталкиваться с господами социал-демократами, на каждом шагу должны совершенно спокойно относиться к тому, что эти господа социал-демократы в ответ на предложение единого фронта приводят цитаты из речей товарища Ленина или других наших вождей с указанием на то, что для нас в тактике единого фронта содержатся элементы фактического маневрирования. Ответ на эти цитаты очень прост. Скажите им, т.-е. этим господам социал-демократам, что в конце-концов дело зависит от них. Достаточно им действительно согласиться на предложение единого фронта, и уже этим самым наш маневр будет уничтожен. Идемте с нами, осуществимте единый фронт, и тогда не придется говорить о маневрах.

Но ни в коем случае мы не можем отказаться от того, чтобы своим собственным товарищам не указывать на опасности, связанные с нынешней тактикой. Повторяю, никогда бы мы не завоевали на свою сторону революционных синдикалистов Франции, если бы мы не объяснили весь наш маршрут от первой до последней буквы. А теперь мы их завоевали. И это—громадный успех, имеющий историческое значение. Лучшие элементы французских синдикалистов теперь работают бок-о-бок с нами, проводя тактику единого фронта. Это делают те самые товарищи, которые совсем еще недавно видели в тактике единого фронта проявление самого беспринципного парламентаризма и дипломатии. А теперь они убедились, что это не мелкая дипломатия, а стратегия авангарда мирового пролетариата. И когда они это увидели, тогда наиболее серьезные элементы рабочих синдикалистов сказали себе: почему же нет, пойдемте с коммунистами. В такой